

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Анналы

Тему наших прошлых двух лекций можно охарактеризовать одним словом: кризис. С момента окончания первой мировой войны ученые-философы, историки, социологи находились в поисках той новой парадигмы, что должна была помочь в процессе преодоления кризиса.

Одни, следуя духу времени, строили историографию на релятивистских и презентистских основах. Другие, сознательно или нет, пошли по пути уже озвученного в период торжества позитивизма альтернативного цивилизационного метода. Третьи (все те, что оказались в тоталитарном пространстве) были просто лишены права на скептицизм. Государство им заменило профессиональную совесть, наказав писать о классовой борьбе и межрасовых войнах.

Настоящий прорыв не был связан с деятельностью кого-либо из них. С подчинением немецкой исторической школы идеологическим императивам нацистов центр интеллектуальной тяжести сместился во Францию. Французским историкам и было суждено заложить основы исторического знания послевоенного, послекризисного поколения.

Революция исторического знания началась с инициированного историком раннего нового времени Люсьеном Февром «боя за историю». Февр понимал необходимость новых теорий. Он осознал, что история не может существовать обособленно от других дисциплин и что она должна войти в тесный союз с родственными ей науками. Он ратовал за сотрудничество между историками, социологами и психологами, поскольку их общая цель заключалась в изучении человеческой личности. К изучению безымянных масс прошлого приложима социальная психология, а к действиям так называемых исторических фигур – психология индивидуальная. В дальнейшем к списку родственников с историей дисциплин добавятся экономика и география.

Близким другом Февра и его партнером в борьбе за сохранение истории был выдающийся французский медиевист Марк Блок. Они должны были рано или поздно встретиться: оба учились в Ecole Normale Supérieure в Париже, оба, уже будучи вполне состоявшимися учеными, провели 4 года войны на фронте; в 1919 году они оба получили позицию в Страсбурге. Они приняли XX век с его модернистским уклоном в литературе и искусстве, поставив перед собой задачу модернизации истории. В 1929 году ими был основан научный журнал «Анналы социальной и экономической истории». Журнал менял свое название, но школа, основанная ими, получила название школа «Анналов». Вторая мировая война их разделила.

Февр продолжал преподавать, а Блок присоединился к движению Сопротивления. В 1944 году он был арестован и вскоре расстрелян нацистами. Кульминацией деятельности Февра было его участие в 1947 году в основании Высшей школы социальных наук, ставшей своего рода «штаб-квартирой» историков-анналистов.

В первом номере журнала «Анналы» прозвучал призыв к более широкому подходу к истории. На новой междисциплинарной основе можно было создавать «тотальную» историю, то есть историю, изучающую человеческий опыт как целостность. Такую историю невозможно было начать с написания «всемирного нарратива». Следовало начать с локального – с общины, корпорации, семьи, но исследовать ее, не отделяя отдельные аспекты жизни друг от друга, а подчеркивая их синтетическую целостность.

Такая многослойная история требует вовлечения самых разнообразных методов исследования, расширяет она и круг источников. Анналисты прибегали к данным палеоклиматологии, чтобы понять, в каких климатических условиях обитали жители того или иного региона. Они использовали методы, разработанные антропологами для расшифровки устных преданий, легенд и сказов, списанных ранее за «недоверенностью». Активно они пользовались и данными исторической демографии, с помощью которой можно было понять не только динамику численности населения, но и отношение людей к ключевым понятиям жизни и смерти.

Анналы поместили человека в центр своих исследований. Февр отмечал: «Человек в нашем понимании является средоточием всех присущих ему видов деятельности. Историк у позволительно с особым интересом относиться к одному из этих видов, скажем, к деятельности экономической. Но при единственном условии: нельзя забывать, что любой из этих видов всегда затрагивает целиком всего человека...». На

вопрос о том, что при таком подходе считать источником, Блок ответил: «Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему прикасается».

Блок подчеркивал молодость исторической науки, несовершенство ее методов и ту роль, что смежные с ней социальные дисциплины должны сыграть в становлении истории как аналитической дисциплины. Так, говоря о социологической школе Дюркгейма, Блок писал, что «она научила нас анализировать более глубоко, ограничивать проблемы более строго, я бы сказал даже, мыслить не так упрощенно. О ней мы здесь будем говорить лишь с бесконечной благодарностью и уважением. И если сегодня она уже кажется превзойденной, то такова рано или поздно расплата для всех умственных течений за их плодотворность».

Блок и Февр были сторонниками не только междисциплинарности, но и компаративного подхода. Блок считал, что сравнительно-исторический анализ позволяет находить решения новым исследовательским проблемам. Эффективность подхода была им продемонстрирована в работе, посвященной аграрной истории Прованса XV–XVII веков, в которой впервые были показаны процессы огораживания, подобные тем, что происходили в Англии в это же время. Процедура сравнения позволяла видеть зачастую специфику отдельных явлений, кажущихся схожими на расстоянии.

Первые анналисты совершили революцию в историографии, отвергнув «историю-рассказ» в пользу «истории-проблемы», то есть истории, отвечающей на конкретно поставленные вопросы. Они противопоставили повествованию о событиях исследование глубинных пластов исторической действительности. В текстах они стремились обнаруживать ненамеренные, произвольные высказывания, а также то, о чем авторы исторических текстов сообщали помимо собственной воли. Девиз Февра весьма точно сформулировал позицию всей школы: «Историк не тот, кто знает, а тот, кто ищет».

Появление «Анналов» ознаменовало начало «золотого века» междисциплинарного взаимодействия. За первым поколением «анналистов» (Февром и Блоком) последовали второе и третье, вокруг которых и сложилось новое историографическое движение, известное как «новая история», или «новая историческая наука».

Отправной точкой «новой истории» стало отрицание принципов как позитивизма, так и марксизма. Историки-анналисты выступали против истории «событий» и не пытались найти в прошлом универсальные закономерности. Совершив переворот в исторической профессии, они деконструировали представление о полной зависимости ученого от документа. «Новая история» реабилитировала творческий подход самого исследователя, связав практику историописания с постановкой научной проблемы.

Одним из самых выдающихся представителей «Новой Истории» являлся историк-анналист второго поколения Фернан Бродель. Историк родился в крестьянской семье в Лотарингии на границе с Германией, что, безусловно, оказало влияние на его мировоззрение. В 20-х годах XX века он оказался во французском Алжире, где преподавал до 1932 года. Уже в Париже он познакомился с Люсьеном Февром, а затем и с молодым антропологом Клодом Леви-Строссом. Будучи мобилизован в армию в 1940 году, он оказался в плену по заключению перемирия. В лагере для военнопленных он провел 5 лет, где, пользуясь своей феноменальной памятью, писал черновик своей диссертации, вышедшей уже после войны в виде двухтомника «Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II».

Позже вместе с философом и реформатором образования Гастоном Берже Бродель основал фонд «Дом наук о человеке», чья миссия заключалась в поощрении междисциплинарного диалога между представителями всех гуманитарных и социальных дисциплин вне зависимости от региона и «статуса дисциплины». Бродель стал первым директором фонда, возглавляя его вплоть до своей смерти в 1985 году.

Для Броделя не существует единого Средиземноморья, существует комплекс разных морей, с которыми люди устанавливают разные отношения: они путешествуют, занимаются рыболовством, ведут войны, тонут в нем. Разным является и время, в рамках которых живут средиземноморские сообщества. Бродель выделяет три уровня времени: незаметное для людей «географическое время», определяемое циклами, медленными, но непреклонными изменениями; время, необходимое для долгоиграющих общественных, экономических и культурных тенденций; событийное время – время, внутри которого существуют индивидуумы с именами и своим опытом.

Для каждого уровня Бродель создает отдельный нарратив, но для того, чтобы привести все нарративы к единой синтетической презентации.

В книгах Фернана Броделя экономическая история переплетается с культурной и социальной историями. Событийная история накладывается на структурную историю «медленных изменений». Первостепенной для Броделя является история повседневности, объединяющая опыт каждого отдельного человека. Бродель считал, что задача исследователя – обнаружить ту константу человеческого сознания и социального поведения, что присутствует во всех формах быта, обмена, брака и семьи, религиозного культа и политической организации.

Бродель предоставил модель нового историописания. Влияние этой модели проявилось в поиски новых путей и методов исследования. В первую очередь это касалось анналистов третьего поколения, среди которых два медиевиста – Жорж Дюби и Жак Ле Гофф – играли выдающуюся роль. В 70-е годы, стремясь преодолеть ограничения, наложенные структуралистским подходом, они вернули в рамки исследования как события, так и человека. История ментальностей, инициированная Ле Гоффом и Дюби, выдвигает на первый план проблему соотношения исторической реальности и ее репрезентации – «мира воображаемого». Историков интересуют вопросы создания человеком смыслов. Исследования механики массового сознания позволили им констатировать присутствие обратной связи с социальными структурами. Одним словом, в картине прошлого, представленной «школой Анналов» в 70-х годах человек выступает не только как производное структуры, но и как агент, творчески воздействующий на структуры посредством своих верований и ценностных ориентаций.

Новизна междисциплинарной ситуации 1970-х годов состояла в том, что речь шла уже не только об использовании данных и методик других дисциплин, но и об интеграции на уровне объектов их научных интересов, более того – о конструировании междисциплинарных объектов. Новая история стала междисциплинарной дисциплиной в полном смысле, а не только с точки зрения используемых ею методов.

В этот же период меняются и дисциплины в сфере социальных наук, к которым прежде историки обращались в поисках научной методологии. Время возникновения и становления «новой истории» – это время поисков и полемики в социологии, социальной антропологии, демографии и количественных методов. Именно в это время, наряду с полемикой о старых и новых путях истории, об избавлении от приоритета политической и событийной истории и преодолении методологического кризиса в традиционной историографии, разворачивается широкая дискуссия об отношениях между историей и социологией. Отмечается тенденция к сближению, проявившимся по-разному в разных странах. Во Франции инициаторами сближения между дисциплинами выступили историки. В Соединенных Штатах эта роль принадлежала социологам, так как историки, как ангажированные в батальи холодной войны, так и нейтральные, оказались неготовыми к радикальному переосмыслению сути своей профессии. Подобное происходило и в Великобритании, где дискуссия приняла затяжной характер. В целом же, в ходе дискуссии обнаружился поворот части новой историографии к теоретической истории и поискам общей модели, которая позволила бы связать отдельные исследования, сравнить и обобщить их, утвердить историю в положении общественной науки. Однако сложность междисциплинарных коммуникаций усугублялась заметными расхождениями в позициях самих историков.

В следующей нашей лекции мы поговорим о сложных, но продуктивных взаимоотношениях между историей и динамично развивающимися социальными науками. Мы расскажем о влиянии социологии на формирование так называемой «новой социологической истории», а затем и о той роли, что сыграла антропология в смещении фокуса социально-исторических исследований с «объективных структур» – классов, сословий, семьи и прочего – на ментальности, сознание и систему репрезентаций. Это одновременное действие (как со стороны социологии, так и со стороны антропологии) привело к жарким дискуссиям относительно предмета социальной истории и к фрагментации исторического знания.

Момент преодоления методологического кризиса предвоенных лет в поствоенном контексте ознаменовал собой начало нового кризиса.